

© 1994 г.

Р. ДАРЕНДОРФ

ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА*

В то время как общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно, процесс развертывания конфликтов из определенных состояний структур, по всей вероятности, применим ко всем их различным формам. Путь от устойчивого состояния социальной структуры к развертывающимся социальным конфликтам, что означает, как правило, образование конфликтных групп, аналитически проходит в три этапа (которые при наблюдении форм организации, начиная приблизительно с политических партий, различаются эмпирически, т.е. не всегда четко).

Само исходное состояние структуры, т.е. выявленный каузальный фон определенного конфликта образует *первый* этап проявления конфликта. На основе существенных в каждом случае структурных признаков в данном социальном единстве можно выделить два агрегата социальных позиций, «обе стороны» фронта конфликта... Эти агрегаты представителей социальных позиций не являются пока в точном смысле социальной группой; они являются квази-группой, т.е. одним только обнаруженным множеством представителей позиций, предполагающим их сходство, которое не нуждается в осознании ими.

Но такие «предполагаемые» общности фактически имеют исключительное значение. Применительно к структурным конфликтам мы должны сказать, что принадлежность к агрегату в форме квази-группы постоянно предполагает ожидание защиты определенных интересов. ...Латентные интересы принадлежат социальным позициям; они не обязательно являются осознаваемыми и признаваемыми представителями этих позиций: предприниматель может отклоняться от своих латентных интересов и быть заодно с рабочими; немцы в 1914 г. могли вопреки своим ролевым ожиданиям осознавать симпатию к Франции...

Второй этап развития конфликта состоит тогда в непосредственной кристаллизации, т.е. осознании латентных интересов, организации квази-групп в фактические группировки. Каждый социальный конфликт стремится к явному выражению вовне. Путь к манифестированию существующих латентных интересов не очень долог; квази-группы являются достижением порога организации групп интересов. При этом, конечно, «организация» не означает одно и то же в случае «классового конфликта», «конфликта ролей» или конфликта в области международных отношений. В первом случае речь идет об

---

*Печатается по: Dahrendorf R. Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts // Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit München, 1965. — Примеч. переводчика.

организации политической партии, союза, в последнем, напротив, более об экспликации, проявлении конфликтов. При «ролевом конфликте» можно говорить об организации участвующих элементов только в переносном смысле. Тем не менее конфликты всегда стремятся к кристаллизации и артикуляции.

Разумеется, кристаллизация происходит при наличии определенных условий. По меньшей мере в случаях классовых конфликтов, конфликтов по поводу пропорционального представительства и конфликтов, связанных с меньшинствами, ими являются «условия организации». Чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные (систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать. При известных условиях — прежде всего, если отсутствуют политические условия организации — сама организация становится непосредственным предметом конфликта, который вследствие этого обостряется. Условия кристаллизации отношений конкуренции, международных и ролевых конфликтов должны изучаться отдельно.

Третий этап заключается в самих сформировавшихся конфликтах. По меньшей мере в тенденции конфликты являются столкновением между сторонами или элементами, характеризующимися очевидной идентичностью: между нациями, политическими организациями и т.д. В случае, если такая идентичность еще отсутствует..., конфликты в некоторой степени являются неполными. Это не означает, что такие противоречия не представляют интереса для теории конфликта; противоположность существует. Однако в целом каждый конфликт достигает своей окончательной формы лишь тогда, когда участвующие элементы с точки зрения организации являются идентичными.

VI

Социальные конфликты вырастают из структуры обществ, являющихся союзами господства и имеющих тенденцию к постоянно кристаллизуемым столкновениям между организованными сторонами. Но очевидно, что источники родственных конфликтов в различных обществах и в разное время отнюдь не одинаковы. Конфликты между правительством и оппозицией выглядели в Венгрии в 1956 г. иначе, чем в Великобритании; отношения между Германией и Францией в 1960 г. иначе, чем в 1940-м; отношение немецкого общества к национальным и религиозным меньшинствам было в 1960 г. другим, нежели в 1940-м. Таким образом, формы социальных конфликтов изменяются; и теория социального конфликта должна дать ответ на вопрос, в каких аспектах можно обнаружить такие изменения формы и с чем они связаны. Это вопросы переменных и факторов вариабельности социальных конфликтов.

Что касается переменных социальных конфликтов, или границ, в которых они могут изменяться, то две кажутся особенно важными: интенсивности насильственности. Конфликты могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными. Допускается, что обе переменные изменяются независимо друг от друга: не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным, и наоборот.

Переменная насильственности относится к формам проявления социальных конфликтов. Под ней подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы. Отметим только некоторые пункты на шкале насильственности: война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, вероятно, обозначают один полюс; беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией — другой. Между ними находится большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами — забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т.д. и т.п. Международные отношения послевоенного времени предоставляют достаточно примеров для дифференциации насильственности конфликтов от «духа Женевы», через «холодную войну» по поводу Берлина, до «горячей войны» в Корею.

...Переменная интенсивности относится к степени участия пострадавших в данных конфликтах. Интенсивность конфликта больше, если для участников многое связано с ним, если, таким образом, цена поражения выше. Чем большее значение придают участники столкновению, тем оно интенсивнее. Это можно пояснить примером: борьба за

председательство в футбольном клубе может проходить бурно и действительно насильственно; но, как правило, она означает для участников не так много, как в случае конфликта между предпринимателями и профсоюзами (с результатом которого связан уровень зарплаты) или, конечно, между «Востоком» и «Западом» (с результатом которого связаны шансы на выживание). Очевидные изменения индустриальных конфликтов в последнее десятилетие безусловно заключаются в снижении их интенсивности... Таким образом, интенсивность означает вкладываемую участниками энергию, и вместе с тем — социальную важность определенных конфликтов.

В этом месте должен стать полностью ясным смысл взятого за основу широкого определения конфликта. Форма столкновения, которая в обыденном языке называется «конфликтом» (впрочем, как и так называемая «классовая борьба») оказывается здесь только одной формой более широкого феномена конфликта, а именно формой крайней или значительной насильственности (и, возможно, также интенсивности). Теперь постановка вопроса теории изменяется на более продуктивную: при каких условиях социальные конфликты приобретают более или менее насильственную, более или менее интенсивную форму? Какие факторы могут влиять на интенсивность и насильственность конфликта? На чем, таким образом, основывается вариабельность социальных конфликтов применительно к выделенным здесь переменным? Наша цель — не определение строгих и основательных ответов на эти вопросы; мы обозначим лишь некоторые области значимых факторов, дальнейшее изучение которых представляет собой нерешенную задачу социологии конфликта.

Первый круг факторов вытекает из условий организации конфликтных групп, или манифестирования конфликтов. Вопреки часто выражаемому предположению, полное манифестирование конфликтов всегда уже является шагом к их ослаблению. Многие столкновения приобретают свою высшую степень интенсивности и насильственности тогда, когда одна из участвующих сторон способна к организации, есть социальные и технические условия, но организация запрещена и, таким образом, отсутствуют политические условия. Историческими примерами этого являются конфликты как из области международных отношений (партизанские войны), так и конфликты внутри общества (индустриальные конфликты до легального признания профсоюзов). Всегда наиболее опасен не до конца доступный для понимания, только частично ставший явным конфликт, который выражается в революционных или квази-революционных взрывах. Если конфликты признаются как таковые, то часто с ними не так много связано. Тогда становится возможным смягчение их форм.

Еще более важным, особенно применительно к интенсивности конфликтов, кажется круг факторов социальной мобильности. В той степени, в которой возможна мобильность — и прежде всего между борющимися сторонами, интенсивность конфликтов уменьшается, и наоборот... Чем сильнее единичное привязано к своей общественной позиции, тем интенсивнее становятся вырастающие из этой позиции конфликты, тем неизбежнее участники привязаны к конфликтам. Исходя из этого можно представить тезис, что конфликты на основе возрастных и половых различий всегда интенсивнее, чем на основе профессиональных различий, или что, как правило, конфессиональные столкновения интенсивнее, чем региональные. Вертикальная и горизонтальная мобильность, переход в другой слой и миграция всегда способствуют снижению интенсивности конфликта.

Одна из важнейших групп факторов, которые могут влиять на интенсивность конфликтов, заключается в степени того, что можно спорно обозначить как социальный плюрализм, а точнее — как напластование или разделение социальных структурных областей. В каждом обществе существует большое количество социальных конфликтов, например, между конфессиями, между частями страны, между руководящими и управляемыми. Они могут быть разделены друг от друга так, что стороны каждого отдельного конфликта как таковые представлены только в нем; но они могут быть напластованы так, что эти фронты повторяются в различных конфликтах, когда конфессия А, часть страны Q и правящая группа перемещиваются в одну большую «сторону». В каждом обществе существует большое количество институциональных порядков — государство и экономика, право и армия, воспитание и церковь. Эти порядки могут быть относительно независимы, а политические, экономические, юридические, военные, педагогические и религиозные руководящие группы — не идентичны; но, возможно, что одна и та же группа задает тон во всех областях. В степени, в которой в обществе возникают такие и подобные феномены напластования, возрастает интенсивность конфликтов; и напротив, она снижается в той степени, в какой структура общества становится плюралистичной, т.е. обнаруживает разнообразные автономные области. При напластовании различных социальных областей каждый конфликт означает борьбу за все;

осуществление экономических требований должно одновременно изменить политические отношения. Если области разделены, то с каждым отдельным конфликтом не так много связано, тогда снижается цена поражения (и при этом интенсивность).

Эти три области факторов, которые были здесь очень бегло обозначены, дополняет еще одна, касающаяся насильственности социальных конфликтов: их регулирование.

VII

Из трех точек зрения на социальные конфликты между отдельными людьми, группами и обществами только одна является рациональной... только эта установка действительно гарантирует контроль насильственности социальных конфликтов внутри обществ и между ними. Тем не менее эта установка является намного более редкой, чем две остальные, недостаточность которых может доказать социологическая теория конфликта.

То, что противоречие может быть подавлено, несомненно, является очень старым предположением руководящих инстанций. Но хотя само собой разумеется, **подавление конфликта** редко рекомендовалось как уместное в истории политической философии, многие до наших дней следовали этому рецепту. Однако подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта: во всей истории человечества революции предоставляют горькие доказательства этого тезиса. Конечно, не каждая так называемая тоталитарная система фактически является системой подавления, и окончательное подавление редко встречается в истории. Большинство непарламентских форм государства очень осторожно сочетают подавление и регулирование конфликтов. Если этого не происходит, если каждое противоречие, каждый антагонизм действительно подавлялись, то взрыв предельно насильственных конфликтов является лишь вопросом времени. Метод подавления социальных конфликтов не может предпочитаться в течение продолжительного срока, т.е. периода, превышающего несколько лет. Но это же относится и ко всем формам так называемой «отмены» конфликтов. В истории как в международной области, так и внутри обществ, в отношениях между группами и между ролями вновь и вновь предпринимались попытки раз и навсегда устранить имеющиеся противоположности и противоречия путем вмешательства в существующие структуры. Под «отменой» конфликтов здесь должна пониматься любая попытка в корне ликвидировать противоречия. Эта попытка всегда обманчива. Фактические предметы определенных конфликтов — корейский вопрос в конфликте Восток—Запад, чрезвычайное законодательство в партийном конфликте, конкретные требования зарплаты в столкновении между партнерами по тарифным переговорам — можно «устранить», т.е. регулировать так, чтобы они не возникли снова как предметы конфликта. Но такое регулирование предмета не ликвидирует сам кроющийся за ним конфликт. Социальные конфликты, т.е. систематически вырастающие из социальной структуры противоречия, принципиально нельзя «разрешить» в смысле окончательного устранения. Тот, кто пытается навсегда разрешить конфликты, скорее поддается опасному соблазну путем применения силы произвести впечатление, что ему удалось такое «разрешение», которое по природе вещей не может быть успешным. «Единство народа» и «бесклассовое общество» — это только два из многих проявлений подавления конфликтов под видом их разрешения.

Прекращение конфликтов, которое, в противоположность подавлению и «отмене» обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности, я буду называть **регулированием конфликтов**. Регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования; они не обязательно становятся сразу менее интенсивными, но в такой мере, в которой их удастся регулировать, они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур.

Разумеется, успешное регулирование конфликтов предполагает ряд условий. Для этого нужно [1], чтобы конфликты вообще, а также данные отдельные противоречия признавались всеми участниками как неизбежные, и более того — как оправданные и целесообразные. Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает их как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния, не удастся совладать с ними. Покорного признания неизбежности конфликтов также недостаточно. Скорее, необходимо осознать плодотворный, творческий принцип конфликтов. Это означает [2], что любое вмешательство в конфликты

должно ограничиваться регулированием их проявлений и что нужно отказаться от бесполезных попыток устранения их причин. Причины конфликтов — в отличие от их явных конкретных предметов — устранить нельзя; поэтому при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариабельность. Это происходит [3] вследствие того, что данные конфликты обязательно канализируются. Манифестирование конфликтов, например, организация конфликтных групп, является условием для возможного регулирования... При наличии всех этих предпосылок следующий шаг заключается в том, что участники соглашаются на известные «правила игры», в соответствии с которыми они желают разрешать свои конфликты. Несомненно, это решающий шаг любого регулирования социальных конфликтов; однако, он должен рассматриваться в связи с остальными предпосылками. «Правила игры», типовые соглашения, конституции, уставы и т.п. могут быть эффективны только в случае, если они с самого начала не отдают предпочтения одному из участников в ущерб другому, ограничиваются формальными аспектами конфликта и предполагают обязательное канализирование всех противоположностей.

Форма «правил игры» является такой же многообразной, как сама действительность. Различаются **требования к хорошей** конституции государства, рациональному соглашению в результате тарифных переговоров, уместному уставу объединения или к действенному международному соглашению. Применительно к содержанию рациональных правил игры на выбранном здесь уровне обобщения можно со всей осторожностью дать еще один комментарий. Все «правила игры» касаются способов, которыми контрагенты намереваются разрешать свои противоречия. К ним принадлежит ряд форм, которые могут применяться последовательно (и которые схематически представлены в приведенном выше обзоре с точки зрения индустриальной социологии): 1. **Переговоры**, т.е. создание органа, в котором конфликтующие стороны регулярно встречаются с целью ведения переговоров по всем острым темам, связанным с конфликтом, и принятия решений установленными способами, соответствующими обстоятельствам (большинством, квалифицированным большинством, большинством с правом вето, единогласно). Однако редко бывает достаточно только этой возможности: переговоры могут остаться безрезультатными. В такой ситуации рекомендуется привлечение «третьей стороны», т.е. не участвующих в конфликте лиц или инстанций. 2. Наиболее мягкой формой участия третьей стороны является **посредничество**, т.е. соглашение сторон от случая к случаю выслушивать посредника и рассматривать его предложения. Несмотря на кажущуюся необязательность этого образа действий, посредничество (например, Генерального секретаря ООН, федерального канцлера и и т.д.) часто оказывается в высшей степени эффективным инструментом регулирования. 3. Тем не менее часто необходимо сделать следующий шаг к **арбитражу**, т.е. к тому, что либо обращение к третьей стороне, либо, в случае такого обращения, исполнение ее решения является обязательным. Эта ситуация характеризует положение правовых институтов в некоторых (в частности, международных) конфликтах. 4. В случае, если для участников обязательно как обращение к третьей стороне, так и принятие ее решения, **обязательный арбитраж** находится на границе между регулированием и подавлением конфликта. Этот метод может иногда быть необходим (для сохранения формы государственного правления, возможно, также для обеспечения мира в международной области), но при его использовании регулирование конфликтов как контроль их форм остается сомнительным.

Нужно подчеркнуть еще раз, что конфликты не исчезают путем их регулирования. Там, где существует общество, существуют также конфликты. Однако формы регулирования

Обзор «Формы регулирования социальных конфликтов»¹

Приглашение третьей стороны	Принятие решения третьей стороны	Наименование
отсутствует	отсутствует	переговоры
добровольное	добровольное	посредничество
добровольное	обязательное	
обязательное	добровольное	арбитраж
обязательное	обязательное	обязательный арбитраж

---

¹ Схема сделана по образцу: *Moore W.E. Industrial Relations and the Social Order. New York,*

воздействуют на насильственность конфликтов. Регулируемый конфликт является в известной степени смягченным: хотя он продолжается и может быть чрезвычайно интенсивным, он протекает в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой. Возможно, конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной. Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики.

Перевод с немецкого В.М. СТЕПАНЕНКОВОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dahrendorf R.* Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.
2. *Dahrendorf R.* Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts // *Dahrendorf R.* Gesellschaft und Freiheit. München 1965.
3. *Dahrendorf R.* Zu einer Theorie sozialen Konflikts // *Zapf W.* Theorien sozialen Wandels. Köln—Berlin 1969.